

Так говорила
РАНЕВСКАЯ

---

*К юбилею
великой актрисы*

Даша
Раневская

Как **Я**была
Шерлок **ХОЛМСОМ**

*ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВ*

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016

УДК 792.2.071(470)
ББК 85.334.3(2)6-8
P22

Раневская, Фаина Георгиевна.

P22   Как я была Шерлок Холмсом. Театральный детектив / Фаина Раневская. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 256 с. — (Так говорила Раневская. К юбилею великой актрисы).

ISBN 978-5-9955-0879-3

Сенсация! Эта книга ждала публикации более полувека. Этот роман станет настоящим открытием для всех поклонников Фаины Раневской.

Оказывается, великая актриса была не только главным острословом СССР, но и пробовала силы в жанре (как сказали бы сейчас) «иронического детектива». А ее творческое наследие, помимо легендарных ролей в театре и кино, кроме знаменитых острот, анекдотов и афоризмов, давно ставших народными, включает еще и театральные детективы, в которых следствие ведет «альтер эго» Раневской.

Если во время гастролей прославленного театра из поезда исчезает главный режиссер, а в его купе обнаружены следы крови, под подозрение попадает вся труппа: ведь на этого «деспота» и «самодура» зуб был буквально у каждого актера! И разгадать тайну покушения способен только «Шерлок Холмс в юбке», под маской которого прячется сама Раневская!

Этот «гастрольный детектив» смешнее «Золотого теленка» и язвительнее «Театрального романа». Так иронично, остро и едко может писать только Фаина Раневская!

УДК 792.2.071(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-9955-0879-3

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Это ты его убила!

Надежда Идеальская всегда твердила, что там, где я, там катастрофа, но при этом старалась держаться поближе. На вопрос почему, отвечала просто:

— Ты умеешь из них выбиратья. Лучше пережить катастрофу рядом с тобой, чем самостоятельно.

Нашу половину вагона разбудил крик, доносившийся от мягкого купе.

Не успев толком встать и сунуть ноги в туфли, я услышала второй вопль.

Этот был куда громче, поскольку издававшая его Надежда обладала хорошо поставленным голосом и тренированными легкими — театральный шепот со сцены должен быть слышен в самых дальних рядах галерки, а уж крик... Боюсь, вся мощь полкового оркестра прозвучала бы тише, даже стекла в вагоне завибрировали. К счастью, вагон был сделан крепко и от этого вопля не развалился, не то бежать бы нам всем дальше по шпалам босиком и кто в чем спал...

Наше купе ближе других к той половине вагона, потому я выскочила первой. Рванув на себя дверь, я увидела в коридоре двух женщин. Прима театра Надежда Идеальская в очаровательном ночном халатике и тщательно причесанная, несмотря на второй час ночи, изображала одну из иерихонских труб, способных разбудить не только пассажиров вагона, но и жителей всех городов и весей, мимо которых проезжал поезд. Во всяком случае, соседний вагон разбудила.

Вторая — секретарь режиссера Сонечка — молча прижимала пальцы к губам, как-то странно косясь не в сторону открытого купе, а на визжащую Надежду.

Я подскочила к подруге:

— Что?! Надя, что случилось?!

Та, продолжая орать (ну и легкие!), указала на открытую дверь.

Я не успела понять, что там такое, как Надежда вдруг совершила бросок к горлу Сони:

— Это ты его убила!

Девушка сумела остановить руки разъяренной фурии буквально в сантиметре от своей шеи и хорошо сделала, оторвать цепкие пальцы Идеальской было бы крайне трудно.

Нет, ноги убитого главного режиссера Тютелькина не высывались в коридор, но в купе...

Всемирный потоп местного значения и его последствия

*Есть такая примета:
если верить в приметы,
то они иногда сбываются.
И еще одна: дурные сбываются
чаще хороших.*

Всемирные потопы бывают разные.
И Ноевы ковчег тоже.

Посудите сами, что для вас важнее — колоссальное наводнение где-нибудь в далекой Гватемале, местонахождение которой вы можете и не вспомнить, или мокрый угол потолка вашей крошечной комнатки в огромной московской коммуналке из-за забившейся раковины у соседей сверху? Ручаюсь, что второе. Потоп в вашей комнате для вас всемирный.

И ваш Ноев ковчег — это слесарь со своими ключами.

Все началось с трагедии.

Не той в поезде, а еще раньше — в театре.

Пожары в театрах случались нередко, существовал даже термин «артист из погорелого театра», то есть тот, кто оставался на улице без работы в разгар сезона. Таких нанимали в другие труппы по дешевке, все равно им некуда податься.

Наш театр, в который еще вчера лишний билетик спрашивали далеко от входа, вдруг оказался в положении «погорелого». Мы не горели, но тонули. Потоп, как и положено настоящим неприятностям, обрушился на нашу голову неожиданно.

Можно сколько угодно рассуждать о преимуществах водопровода в доме перед водой в колонке на улице или теплофикации перед обычными печами, но находиться в положении подопытных кроликов всегда опасно, опыт может не удасться.

В нашем случае так и произошло.

Когда на чердаке у этих умельцев что-то там лопнуло, горячая вода залила все до подвала. Это не был кипяток, но во время довольно холодной зимы и простая вода становится бедой, если льется тебе на голову прямо на сцене.

Идеальская потом утверждала, что, рухни на нас театральный потолок, было бы легче. Если вспомнить, что произошло в следующем месяце, с ней трудно не согласиться. Лежали бы себе в гипсе и не влипли в историю, после

которой у Надежды появились целых три (!) седых волоса. Свои не считала, они у меня и без того седые, и появление десятка новых седых означало бы загущение шевелюры на десяток.

Здание давно требовало ремонта. Народный комиссар просвещения Бубнов «вошел в положение», были выделены немалые суммы, но кто же ремонтирует театр зимой? А главное — на время ремонта мы остались без сцены. Артисты тоже хотят кушать, им нужны дрова для печей, новые ботинки детишкам, керосин для примусов и прочее, как и остальным людям, а для этого нужно работать. Но где?!

Театральный сезон уже начался, все роли в других театрах распределены, добром их никто не отдаст, к тому же приходится бедными просителями к тем, кому еще вчера составляли конкуренцию, значит, заведомо ставить себя в невыгодные условия.

Новую площадку нам не давали, даже простые клубы предлагали выступать только день-два в неделю без репетиционной базы. Это привело бы к потере коллектива. Наш гениальный режиссер Аристарх Гаврилович Тютелькин хватался за голову, театральный дирижер Модест Обмылкин привычно рвал на голове остатки волос, а директор Соломон Маркович Ловкевич, чья фамилия вполне со-

ответствовала его сути (я искренне полагала, что это прозвище), нашел гениальный выход — мы отправились на гастроли!

Вы спросите: кто же едет на гастроли в декабре? Те, у кого весь театр залит водой.

Конечно, не все, нашлись такие, кто поторопился устроиться в Москве, те, кто просто не мог покинуть столицу по состоянию здоровья, кто не переносил поезда и остальные прочие. Но костяк труппы сохранить удалось.

Надежда, правда, утверждала, что наши беды начались несколько раньше — с появлением у Тютелькина секретарши Сони Нагадаевой (Идеальская упорно оговаривалась, именуя ее Негодяевой.) Я не была с подружкой согласна, сначала никаких бед Соня нам не принесла, а уж в случившемся в поезде виноваты многие.

Но обо всем по порядку.

Секретарь Тютелькину не полагалась, вот машину с водителем выделили, а секретаря нет, несмотря на всю его гениальность. Честно говоря, Аристарх Гаврилович в ней и не нуждался, он крайне редко писал официальные письма в разные инстанции, а входить в его большой кабинет на первом этаже мало кто рисковал без особой на то надобности. Держать отдельную служебную единицу, как называл это директор Ловкевич, разорительно.

Театр находился на балансе Наркомпроса, потому «разорительно» для Соломона Марковича было понятием скорее идеологическим, чем финансовым, но он очень любил изображать экономию там, где без нее можно было обойтись, особенно если экономия ничего не меняла. В данном случае не меняла.

У самого Ловкевича секретарь имелась — пожилая строгая особа, умевшая так приподнимать узкую бровь в знак недоумения, что тот, кому это предназначалось, предпочитал больше не настаивать. Изольда Генриховна была особой для директора весьма полезной,

например, она с такой скоростью тархтела на своем «Ундервуде», что Соломон Маркович просто не успевал диктовать, и длинные пальцы секретаря с идеально ухоженными ногтями временами замирали над клавиатурой в ожидании, когда начальство соберется с мыслью, чтобы продолжить фразу. Согласитесь, очень полезная служебная единица.

Сонечка такими достоинствами не обладала, печатала медленно (от нее не требовалось печатать вообще), брови и без того тонко выщипаны, заслонять весьма симпатичной грудью вход в кабинет режиссера надобности не имелось, туда не рвались. Сонечка была очаровательна, ее голубые глазки были наивно распахнуты, а обесцвеченные пергидролем кудряшки дрожали при каждом движении головы, словно ленточки серпантина. Надежда, конечно, объявила, что это исключительно несовременная прическа, мол, кто же сейчас носит кудряшки, да еще и обесцвеченные? Ныне в моде гладкие черные волосы, определенным образом стриженные.

С точки зрения моды Идеальская была права, но несоответствие Сонечкиной прически модным веяньям не мешало ей привлекать противоположный пол всех мастей и должностей, актеры, служащие театра и даже рабочие сцены толпились в крошечной секретарской,

поспешно выгороженной из коридора. Тютелькина это страшно нервировало, он стал дерганным еще до зимних гастролей, из чего Идеальская заключила, что вскоре Сонечка покинет свой пост, а она, Надя, еще посмотрит, прощать ли Аристарха.

Прощать было за что, предпочтение, которое Тютелькин вдруг стал отдавать Соне, граничило с предательством. Аристарх и Надежда практически создали наш театр, сначала она вообще играла во всех его постановках, потом уступила часть неинтересных для примы ролей (неинтересными Надя с некоторых пор стала называть роли молодых девушек, прекрасно понимая, что будет выглядеть в них нелепо) другим актрисам.

Но этим отношения Тютелькина и Идеальской не ограничивались, они практически жили одной семьей. Я называла эту семью полоторной, объясняя так:

— Одна единица — это ты сама, а мужа у тебя всего половина.

Замечание справедливое, Тютелькин был мужем наполовину — приходил обедать, нередко ужинал, иногда даже завтракал. Я не лезла в их личные отношения, но знала, что подруга устраивает Аристарха на диване, если тот слишком засиживается вечером.

Всем известно, что они намерены создать прочную ячейку советского общества, но вопрос, когда случится сие радостное событие, все отодвигался и отодвигался.

Единственный существенный недостаток Надежды — возраст, и недостаток это неустрашимый. В остальном она соответствовала своей фамилии (некоторую неровность поведения я относила на счет нервов, которые ей безостановочно мотал Аристарх).

Надежда хороша собой, она известная актриса, даже орденосец, желающих занять место не только на диване, но и в спальне было много и без Тютелькина, но Надя любила Аристарха (я была убеждена, что взаимно), Тютелькин тоже орденосец, гениален и хорош собой, он вполне достоин Идеальской, хотя слишком импульсивен и несдержан.

Создание ячейки затягивалось, я уже начала бояться, что Надежда в конце концов выберет кого-то другого и захлопнет перед Тютелькиным дверь. Понимал это и сам Аристарх, но сделать последний решительный шаг никак не решался.

И тут появилась эта Сонечка — молодая, очаровательная, так мило прикладывающая надушенный кружевной платочек к слегка курносому носику и хлопающая полуметровыми

ресницами над голубыми глазками... Неужели Аристарх потерял голову? И вообще, откуда Сонечка взялась?

Второй вопрос для всех оставался загадкой. Тютелькина спрашивать не решались, сама Сонечка ответила просто:

– Прислали.

За очаровательные кудряшки и голубые глаза нелогичность ответа ей немедленно простили. Идеальская со вздохом констатировала, что увлечение юностью она простить еще способна, но глупостью не сможет. Я поняла, что ячейка общества в составе Тютелькин — Идеальская может и не состояться.

Я ничего не имела против Сонечки, увлекись ею кто-то другой, но выбрать между умной и талантливой красавицей Надей и юной пустышкой обладательницу голубых глазок... Так думала не одна я, Тютелькин вмиг потерял в глазах многих, даже тех, кто сам находил повод заглянуть в закуток Сонечки с каким-то глупым вопросом, впрочем, не ожидая ответа. Женское сообщество театра было всецело на стороне Идеальской, даже те, кто насмеялся над ней из-за странного романа с Тютелькиным.

Изольда Генриховна на вопрос о секретарше привычно приподняла изогнутую бровь,